

Если долго смотреть в бездну, бездна поглотит.

Лян Чуань дал волю гневу и начал по-своему наказывать. Это похоже на то, что делала Юэ Чен, когда сделала свою трактовку его учения, но от себя Лян Чуань подобного не ожидал.

Он начал сползать в бездну...

Лян Чуань спрашивал Юэ Чен, кто дал ей право использовать ад для наказания других?

В то время Лян Чуань мог видеть, что Юэ Чен находится на грани, убивает людей, пожинает жизни и даже насмехается над религиозными жертвоприношениями. В конечном счете это едва не привело ее в бездну.

Лян Чуань не ожидал, что тоже окажется когда-нибудь в подобной ситуации.

Он сдерживается...

Он сопротивляется...

Разум подсказывает, что он должен остановиться...

Существует размытая граница между тем, что хочешь сделать и тем, что можешь сделать. В этот момент эта граница была стерта для Лян Чуаня.

Когда у тебя есть непонятные обычным людям способности, когда ты не принадлежишь к категории нормальных живых людей, когда твои действия не поддаются сдерживанию, кто может ответить, сможешь ли контролировать СЕБЯ?

Что еще может вызвать у вас восхищение?

Нравственные стандарты Лян Чуаня изменились. Кто долгое время может придерживаться своих нравственных стандартов, того можно считать святым. Лян Чуань же не святой и не может им быть.

Убить...

Убить...

Убивать...

Убивать людей...

Хочу крови, жертвоприношения и... наказания....

Жестокие мысли кружились в разуме Лян Чуаня, не отпуская его и постепенно изменяя его поведение.

О рациональности больше речь не шла. Его доброта, которая временами проявлялась, растворилась. Дьявол, наконец, открыл глаза.

Бумага с талисманом в его кармане становилась горячее, Лян Чуань почувствовал неприятное жжение, которые как будто сжигало его душу.

- Даже ты... останавливаешь меня?

Красные глаза Лян Чуаня посмотрели вниз. Протянув руку, он достал из кармана талисман.

Бумага талисмана покраснела, напоминая клеймо на его ладони. Ощущение покалывания и пытки накачивали на душу Лян Чуаня.

Больно, очень больно и неприятно.

Раньше подобные талисманы на него не действовали, почему сейчас все изменилось?

Бумажный талисман - неодушевленный предмет, его нельзя изменить.

Поэтому меняться стал сам Лян Чуань.

Он изменился, его разум изменился, изменилось поведение и именно из-за этого бумажный талисман начал работать.

Однажды перед отъездом Лян Чуань однажды сказал Юэ Чен: «Живые не обязательно все люди, а мертвые не обязательно все призраки». Это было предположение Лян Чуаня.

Но теперь, очевидно, он стал призраком.

Однако изменение талисмана не принесла так называемого «пробуждения» Лян Чуаню и даже оказала обратное действие.

Да, противодействие.

Когда вы несетесь вниз, в бездну, святой ангел летит по воздуху. Чистый и прекрасный, он олицетворяет справедливость и величие, но воздушный поток, появившийся от взмахов его крыльев, толкает вас все дальше в бездну.

- Я не думаю, что сделал что-то плохое... - голос Лян Чуаня был низким, он говорил для себя. - Эта деревня такая грязная, она... Я больше не буду существовать в этом мире, если только, став настоящим демоном, смогу смыть всю грязь.

В следующее мгновение бумажный талисман превратился в пыль. Время действия талисмана закончилось, и он рассеялся.

В конце концов, это всего лишь старая вещица, неодушевленная вещь.

Лян Чуань подошел к дому. Он не был огорожен в этой горной деревне не было необходимости в заборах. Лян Чуаня ничто не останавливало.

Красный цвет глаз не исчезал. Желание убивать волнами накатывало на него.

Врата ада открыты для тебя, и я готов пасть вместе с тобой.

Уверенными шагами Лян Чуань подошел к двери.

Дома в сельской местности имеют два этажа. В боковой комнате на первом этаже спит пара. Их сын, невестка и дети спят в комнатах на втором этаже.

Они не знают, что к ним явился потерявший над собой контроль демон. Нож мясника поднят, осталось его опустить.

Взгляд дьявола за стеной, дыхание ада приближается...

- Старик, грех, это большой грех, я думаю. Цуй Лао Гэн и остальные не смогут скрыть этого. На этот раз приехало много полицейских.

Пожилая пара, лежащая на кровати, не спала. Сегодня ночью произошло столько всего, что они не могли уснуть быстро, как раньше. Если бы не это обстоятельство, жизнь в небольшом горном поселке текла бы по-прежнему мирно.

О наступлении утра кричат петухи, а по вечерам жители деревни возвращаются с полей с мотыгами. Это их жизнь, она такая, как ее видят посторонние.

Если смотреть на это издали, то кажется, что все здесь хорошо, как в иллюзии. Именно

поэтому многие так называемые писатели восхваляют фермеров, их простоту, трудолюбие, природу.

Это все потому, что в такие деревни глубоко никто не заглядывает. Никто не хочет погружаться в сельский быт и вкалывать на полях с утра до вечера. Никто по настоящему не ценит тяготы, которые переносят сельские жители.

- Это большое дело, большое дело. Цуй Лао Гэна посадят. Чжао Лао Саня и сыновей задержали, - вздохнул старик.

- Им нужно исправляться, - старуха выругалась тихим голосом. - Посмотри на них, разве можно так делать людям? Хотя я из деревни, но больше не могу этого выносить.

- Да, они люди, но как могли сделать такое? Цуй Лао Гэн всегда казался мне честным и ответственным. Его сын болел, такое бывает... А те, кто помогал им? Я больше не могу смотреть на них.

- Жалко девушку. Если бы полиция сегодня не пришла рано, их похоронили бы вместе. Я и не знал, что Цуй Лао Гэн перепродал ее Чжао Лао Саню. Как можно делать такие вещи?

Перепродать кого-то - достойно черного сердца. Пусть он не относился к ней хорошо, но снова продать девушку после смерти сына... Его сердце невероятно черное. Мы жили в одной деревне, знали друг друга десятилетия, но я никогда не видел его таким и не мог подумать, что он способен на подобное.

Пожилая пара тяжело вздохнула.

- В тот день маленькой девочке не повезло, - снова вздохнув, сказала старуха. - На самом деле я заметила ее, но не крикнула никому и не подошла к ней.

- Я тоже заметил ее. Я думал, что если она сбежит, то сможет вернуться домой. Но семье Цуй необходимо было найти ее, так как Цуй Лао Гэн занял деньги на ее покупку. - сказал старый староста. - Да, не повезло. Девушку заметил ребенок, он закричал и позвал остальных. Когда я подошла, то увидела девушку, стоящую на коленях на земле и умоляющую о пощаде... Я запаниковала...

- Семья Цуй хвалила молодую пару и их сына за то, что они нашли ее. Разве можно за такое хвалить?

- Ну, хватит, хватит, давай спать, не говори больше об этом. Разве мы не стояли там в то время? Я сейчас думаю, что если бы я встал и сказал несколько слова, может быть...

- Что ты говоришь?

Старый староста замолчал, но его лицо было красноречивее всяких слов.

- Да, ты ненавидал это, но не мог сказать, потому что был старостой. Если бы сказал, что у тебя есть совесть, если бы ты попросил отдать ее тебе, разве не изгнали бы они тебя?

- И не говори. Но полиция уже здесь, и кого она выявит, тот будет привлечен к ответственности. Мы сегодня принесли много бумажных денег.

- Бумажные деньги... но мне так жаль девочку, - старуха тихонько заплакала.

- Хватит говорить о совести, не будем ссориться. Спи и я буду спать, старик закутал старуху в одеяло.

Со стороны кровати больше не раздавалось голосов, старики медленно закрыли глаза и уснули, слегка похрапывая. Сегодня был трудный день. Они были на похоронах, писали записки и очень устали.

Чего они не знали, так это того, что за стеной стоял человек. Красные глаза этого человека в этот момент медленно тускнели.

<http://tl.rulate.ru/book/43574/1866369>